

ИНТЕРВЬЮ С БРИТАНЦЕМ ДЖЕЙМСОМ СИМСОМ, УЧАСТНИКОМ АРНЕМСКОГО ДЕСАНТА

(JAMES SIMS, 1st AIRBORNE DIVISION)

Джеймс Симс

Расскажите немного о себе, прежде чем мы начнем говорить о вашем военном опыте?

Я родился 29 апреля 1925 года в Шеффилде. Мой отец был оптовым поставщиком лекарств в Шеффилде и переехал в Брайтон незадолго до моего рождения. Когда я рос, у меня не было особых карьерных устремлений, но, если бы я остался в Шеффилде, то, вероятнее всего, стал бы рабочим в местной сталелитейной промышленности.

Когда Вы вступили в Вооруженные Силы?

Я поступил на военную службу 29 января 1943 г. Предыдущие два года я был *кадетом (Army Cadet Corps)* и служил в подразделении *Местной Самообороны/Home Guard*. Существовало постановление о том, что все дети возрастом 15 лет и старше должны вступить в какую-либо молодежную организацию, вот я и присоединился к кадетскому подразделению. Занимались мы базовой военной подготовкой. Наше подразделение было при школе, и офицерами были учителя. В школе господствовала очень суровая дисциплина, с этим проблем не было. Тогда были армейские, военно-морские и военно-воздушные кадеты, и вся эта система походила на организации бойскаутов.

Был ли армия Вашим собственным выбором?

Когда мне исполнилось 17, я отправился на призывной пункт, чтобы поступить на службу в *RAF*, поскольку я сильно интересовался авиацией, но мне сказали, что придется подождать, пока мне не исполнится 18½ лет. Приходя в себя от этого удара судьбы, я услышал, как какой-то парень, тоже поступавший на военную службу, говорил о том, что он отправляется в Мэйденстоун (Maidenstone, графство Кент), чтобы стать артиллеристом.

Этот городок был всего в 50 милях от Брайтона, поэтому я тоже добровольно изъявил такое желание и был принят. Боевая подготовка в *Королевской Артиллерии* была весьма интенсивной, мы учились управляться с 25-фунтовой гаубицей – превосходной пушкой и станowym хребтом британской артиллерии.

Почему Вы не остались в Королевской Артиллерии?

Было две причины, по которым я пошел в воздушный десант (*paras – далее – десант – ВК*). Во-первых, я хотел просто уйти из артиллерии, потому что в ней с рядовыми обращались плохо. Младшие офицеры, казалось, были нацелены на то, что сделать твою жизнь как можно более тяжелой, а офицеров это никак не беспокоило. Как я уже говорил, меня интересовала авиация, и сначала я выразил желание поступить добровольцем в планерный полк (*Glider Pilot Regiment*), но в то время в нем был избыток людей, и десант был единственной альтернативой. Я поступил на службу в десант 2 февраля 1944 г. Определенно, у меня были сомнения по вопросу о прыжках с парашютом, но я полагал, что смогу, если другие могут. До этого момента я никогда не поднимался в воздух на самолете.

Плакат, призывающий вступить в британский воздушный десант

Расскажите о своем первоначальном опыте пребывания в роли десантника...

Совсем еще новичками (*wingless wonders – «личинками», новичками без нашивки десантника*) мы прибыли в Хардвик Холл (Hardwick Hall – резиденция близ города Честерфилд/Chesterfield). Меня немедленно поразили другое отношение к нам со стороны офицеров и младших офицеров и энтузиазм, который демонстрировали недавние рекруты.

«Крылья» – нарукавная нашивка британских десантников

Две недели ушли на тестирование наших физических данных и медицинские осмотры, при этом мы были поражены тем, какие выглядевшие круто парни были возвращены в части, в которых они служили раньше. Спали на двухъярусных койках, было страшно холодно, но еду нам давали превосходную и в больших количествах.

Какой была жизнь в Хардвик Холле?

В Хардвик Холле все делалось «в двойном размере», и тех, кто ломался, возвращали на прежнее место службы. Для того, чтобы слегка расслабиться, мы играли в *paratroop football* (возможно, речь идет о регби или о гэльском футболе – ВК). Играли в форме, башмаках и касках. Полагаю, там были ворота и мяч, но я до сих пор не уверен в этом. Целью игры было просто удержаться в ней. Она продолжалась около часа и заканчивалась, когда кому-то ломали ключицу или руку!

Боевая подготовка в Хардвике должно быть, была суровой...

Мы справлялись, или старались справляться, например, был десятимильный марш-бросок с полной выкладкой, на который отпустили два часа. Разразилась метель, и так много парней свалились с ног, что марш был остановлен. Тем не менее, поскольку мы сделали семь миль за один час и пять минут, в условиях метели, нам его зачли!

Следующей стадией боевой подготовки были прыжки с парашютом. Можете рассказать о своем опыте?

После того, как мы успешно «выжили» в Хардвик Холле, нас перебросили на аэродром Рингуэй/Ringway в Манчестере, где нам предстояло *заработать крылья* (*to earn wings* – получить нашивку воздушного десантника). Мы должны были провести в Рингуэе две недели. Первую неделю мы провели в огромном ангаре, используя оборудование, необходимое для подготовки к восьми прыжкам, которые были необходимы для получения квалификации парашютиста. В Рингуэе у нас были инструктора из RAF. В ангаре было несколько тренажеров, одним из них – распиленная пополам детская горка. Новичок должен соскользнуть вниз по горке и приземлиться в глубокой яме с грязью. Это был вроде как симулятор приземления на участке высадки.

Другим тренажером был *воздушный винт* (*fan*). Вам нужно было забраться на крышу ангара, там можно было увидеть его. Тренажер состоял из пристяжных ремней, которые были прикреплены к чему-то вроде рояльной струны, обмотанной вокруг барабана. Из барабана торчало что-то похожее на воздушный винт, отсюда и название. Одеваешь на

себя пристяжные ремни и по команде «GO!» прыгаешь с высоты примерно 40 футов. Считалось, что воздушный винт замедлит твоё падение так же, как и парашют. Таких тренажеров было несколько: первый, который обычно доставался мне, был сильно изношен, поэтому приземление сотрясало до костей. В действительности, ты ударялся о землю так крепко, что вся мелочь вылетала из карманов. Инструктора из *RAF* собирали ее и рассматривали ее как свои деньги на пиво! Полагаю, что я потерял больше монет, чем кто-либо другой...

Другой тренажер назывался *подвесная железная дорога/overhead railway*. Он состоял из проволоки, идущей под наклоном с крыши ангара и прикрепленной к шпале, вкопанной в землю. Идея заключалась в следующем: пристегиваешься к этой проволоке, скользишь вниз, непосредственно перед приземлением по команде отстегиваешься от проволоки, падаешь и кувыркаешься вперед как при реальном приземлении. Однако некоторые парни были заморожены шпалой, забывали отстегнуться и прямо врезались в нее. Такие случаи очень забавляли остальных...

Каким был следующий этап подготовки?

Те, кто остался в строю к началу следующего этапа, должны были совершить восемь прыжков с парашютом, чтобы получить красный берет и нашивку.

Прыжки делали в Тэттон Парке (имение Tatton Park в графстве Чешир/Cheshire), первые три – с аэростата: два днем и один ночью. За день до первого прыжка нас повезли на автобусе *RAF* посмотреть на такие прыжки. Прыжки делали из корзины, подвешенной к старому аэростату заграждения. Один парень прыгнул, и его понесло к земле с не полностью раскрытым парашютом. Он орал и, пролетев около 700 футов, потерял сознание, когда парашют раскрылся! Наш инструктор из *RAF*, бывший игрок в регби из Уэльса по имени Аик Оуэнс небрежно прокомментировал: «Долбанный парашют – это часто случается.» Порядка 10 парней, у которых не прибавилось уверенности после подобных замечаний, отказались от продолжения курса обучения [то есть, покинули десант]. Мы имели право на это до момента получения крылышек десантника.

Расскажите о своем первом прыжке с парашютом...

На следующий день приехали в Тэттон Парк, чтобы прыгнуть самим. Мы прыгали группами по четыре человека, по одному с каждого угла корзины. Наш инструктор Аик Оуэнс поднялся в воздух с нами. Корзина резко замерла в воздухе, и мы приготовились... Я хорошо вывалился из корзины, но пролетел 100 футов из 700, пока мой парашют не раскрылся. Мы все успешно приземлились и, после чашки чая, полученной с передвижной кухни, вернулись в лагерь. На один прыжок меньше – осталось еще семь! Был замечен большой контраст: выезжая на прыжок мы молча сидели, вцепившись в свои парашюты, на пути назад мы сидели и [весело] трепались...

Ну и как Вам эти прыжки с аэростата?

Некоторые обожали эти прыжки, некоторых они приводили в ужас, включая меня! На следующий день мы должны были повторить прыжок, но, поскольку было довольно ветрено, мы ждали, что прыжки отменят. К нашему большому удивлению, этого не произошло! И опять эта долгая поездка на автобусе *RAF* в Тэттон Парк. Когда мы приехали на место, аэростат мотало, словно это был дирижабль! Мы забрались в корзину, ее подняли лебедкой. Когда подошла моя очередь прыгать, я, вроде как, выпал, а не оттолкнулся, и мой парашют не раскрылся сразу на выходе... Я начала кувыркаться в воздухе, а Аик Оуэнс в то время орал с земли: «Долбанный придурок, ты не заслуживаешь того, чтобы жить!»

Когда парашют раскрылся, я летел вверх ногами, при этом обе мои ступни запутались в стропях. Я не паниковал, а вспомнил те учебные фильмы, в которых нам показывали, как

выбраться из такой неприятной ситуации... И я сумел по-нормальному приземлиться, а Аик больше не вспоминал мой никудышный выход [из корзины].

Наш третий прыжок с аэростата мы совершали ночью. Все говорили, что ночной прыжок – это самое лучшее. Это оказалось правдой, потому что никто ничего не видит и не слышит. Это был так, будто ты находился черной бархатной постели, – пока не соприкоснешься с землей. Многие предпочитали прыжки с аэростатов, но не я. По мне лучше была отбрасываемая винтом струя воздуха, которая моментально наполняла парашют. После прыжков с аэростата последовали пять прыжков с бомбардировщиков, и, после успешного завершения обучения, я получил крылышки и красный берет. Я стал десантником!

После получения крылышек Вы были направлены во 2-й Батальон Парашютного Полка (The Parachute Regiment), одной из самых знаменитых частей воздушно-десантных войск.

Весной 1944 г. около 30 из нас промаршировали напротив особняка Стоук Рочфорд Холл (Stoke Rochford Hall, графство Линкольншир/Lincolnshire) в качестве пополнения, которому предстояло заменить людей, потерянных в боях в Тунисе, на Сицилии и в Италии. Сержант-связист построил нас и сказал: «Добро пожаловать во 2-й Батальон, батальон, который живет своей боевой славой!» Их холла появился офицер, и я испытал душевный подъем, узнав подполковника [Джона Д. Фроста](#) (John D. Frost), прославившегося во время Брюневальского рейда/Bruneval Raid в 1942 г. – одной из наиболее успешных из известных десантных операций (*Фрост является одним из исторических персонажей известного фильма A Bridge Too Far/Мост Слишком Далеко (1977), в котором его играет Энтони Хопкинс (Anthony Hopkins)*). Когда Фрост приблизился ко мне [обходя строй], он спросил, из какой части я пришел, и, узнав, что я из *Королевской Артиллерии* сказал, что я вполне подойду для минометного взвода.

Джон Даттон Фрост

Опишите полковника Фроста...

Фрост был высоким, крепко сложенным человеком, который вел себя соответственно. Его лицо всегда было мрачноватым, и я только один раз видел его улыбающимся – это было в горящем доме рядом с тем самым мостом, который был «слишком далеко» в Арнеме. Вскоре мы поняли, что он был приверженцем строгой дисциплины. В характере полковника было много того, что приходилось терпеть, и я приведу вам пример.

Мы получали увольнительные по вечерам в пятницу, но [железнодорожная] станция *Grantham* была милях в шести от нашего расположения. Из-за отсутствия автобусов или машин, которые могли бы нас подбросить, это было проблемой, но вскоре она была разрешена одним парнем из нашего взвода. Он поджидал, какую-либо проходящую частную машину и становился на дороге на ее пути, пока она не останавливалась. Затем парень говорил водителю: «Мы на учениях, и я реквизирую вашу машину. Везите нас до станции *Grantham*.» Водитель подчинялся: он не собирался спорить с десанниками. Мы ввосьмером набивались в машину и трогались в путь... Так мы мошенничали какое-то время, пока по ошибке не остановили машину Фроста! Папаша был разгневан, но нас не лишили увольнений.

Опишите минометный взвод и его вооружение...

Минометным взводом командовал лейтенант Вудс (Woods), сержанта взвода звали Джексон. Во взводе было четверо сержантов отделений и около 40 человек, вооружены мы были четырьмя минометами. Трехдюймовый миномет использовался пехотой в качестве переносной артиллерии, при этом и британцы, и немцы хорошо умели им пользоваться. При переноске миномет разбирали на три части: ствол, лафет и опорную плиту. Каждая часть весила около 40 фунтов. Те, кому не достались части миномета, несли по шесть 10-фунтовых мин в дополнение к стандартной выкладке. Кроме того, я помогал своему офицеру, лейтенанту Вудсу, выявлять подходящие цели, затем я передавал приказы минометчикам двух наших расчетов. У моста в Арнеме только два из наших четырех минометов были доставлены на наши позиции.

Ваше подразделение было частью британской 1-й Воздушно-десантной Дивизии (1st Airborne Division), люди которой были разочарованы тем, что им не довелось участвовать в боях в *День D/D-day*. Даже после этого дивизия прошла через постоянные запуски и отмены боевых операций. Можете ли Вы описать чувства, которые испытывал рядовой солдат в этот период времени?

Наша Дивизия почувствовала, что «выпала из обоймы», когда в день высадки в бой отправилась 6-я Воздушно-десантная Дивизия. Разумеется, они проявили себя отлично, что еще больше расстраивало. Затем наше участие в операциях отменялось раз за разом, но наши офицеры говорили нам, что нас придерживают для участия «в чем-то особенном». Было много предположений: один из слухов был о десанте на Берлин и похищении Гитлера...

Что произошло, когда Вы, в конечном итоге, получили зеленый свет для операции *Market Garden*, нацеленной на захват моста через Рейн в Арнеме? Разве Вас едва не оставили дома?

Когда Арнем появился в планах, все полностью переменялось, и боевая подготовка интенсифицировалась. Через пару дней нам предстояло приземлиться в Голландии и захватить город, о котором мы раньше и не слыхали. Трое из нас, Янг Джорди (Young Geordie) - полное имя не могу вспомнить, Брам Дэвис («Brum» Davis) и я были вызваны к полковнику, который сказал, что поскольку нам всего по 19 лет, мы не пойдем в бой. Вместо этого мы отправимся на морскую прогулку (sea party), и как сказал полковник, «увидим кое-что из того, что представляет из себя война, прежде чем вернемся в свой 2-й Батальон к северу от Арнема.»

Я припоминаю, что почувствовал некоторое облегчение оттого, что операция состоится, но неожиданно куда-то пропало трое ветеранов. Не преднамеренно, я полагаю, а из-за того, что к тому времени уже бывали в полной готовности перед 19 боевыми операциями, и все они были для нас отменены. Младшие офицеры рыскали по всем окрестностям в поисках пропавших, но все было без толку. Случилось так: нас, пацанов, вернули в наш взвод и сказали, что мы пойдем в бой на следующий день...

Операция *Market-Garden* началась 17 сентября 1944 г. Можете ли Вы описать свои чувства в тот момент, когда узнали, что первый раз пойдете в бой?

Нас повезли на летное поле 17 сентября. Все были в превосходной форме, все это было словно выезд воскресной школы на природу. Нас в больших объемах снимали на кинокамеру хроникеры, но я позднее так никогда и не увидел что-либо из этого. В итоге мы забрались в самолет [самолет ВВС США C-47 *Dakota*] и поднялись в воздух. Помню, как я сказал себе: «Какого черта я здесь?», но снова почувствовал уверенность в себе, благодаря веселому настроению своих товарищей...

Можете описать снаряжение, с которым шли в бой десантники?

Когда смотришь на то, что мы тащили на себе в бой, изумляешься тому, что мы вообще добрались до Арнема. Мы были в боевой униформе, на нас были красные береты, у каждого по шесть 10-фунтовых мин, по 40 винтовочных патронов калибра 0.303, по две гранаты калибра 0.36, по одной противотанковой гранате, по одной фосфорной гранате и пищевой рацион на 24 часа. Конечно, у нас собой были деньги для оккупированной Голландии, пилки для побега (*пилки для перепиливания решеток – ВК*), кайло и лопата. Все вместе это весило, должно быть, около 100 фунтов.

Вашим непосредственным командиром был лейтенант Вудс. Что он был за человек?

Вудс был высоким парнем 25 лет, он, как и Фрост, нечасто улыбался. Он был типичным офицером воздушного десанта, в этой связи он не обращал внимание на кое-что в поведении [солдат], но по важным вопросам был чрезвычайно строг. Парни относились к нему с исключительным уважением, кличка у него была *Lakari*, что, полагаю, на хинди означало древесину (*возможно, искаженное слово Lakadee – ВК*).

Как прошел полет в Голландию?

Мы пересекли голландское побережье – над ним нас обстрелял немецкий военный корабль [торпедный катер], с которым быстро разобрался один из самолетов нашего эскорта – вооруженный ракетами штурмовик *Typhoon*. Наш самолет снизился до 400 футов - высоты выброса десанта. На всем пути к Арнему нас сопровождали вспышки выстрелов немецких зенитных батарей.

Затем, наконец, пришло время прыгать...

Мы встали и направились к двери, где уже маячил лейтенант Вудс. Лампа заморгала зеленым светом, и он исчез. Мой выход из самолета был отвратительным, и когда мой парашют высвободился, его просто скрутило. По счастью, он в итоге он раскрылся, но я не сумел избавиться от своего груза, который был пристегнут к моей левой ноге. Нам говорили, что, если приземлишься с грузом на ноге, можешь и сломать ее. Через несколько секунд мне предстояло узнать, правда это или нет. Мне повезло, и моя нога осталась невредимой, но приземление было жестким. Это был мой 13-й и самый худший прыжок.

Участки высадки были где-то в восьми милях от арнемского моста – это само по себе с самого начала осложнило операцию. Различные части должны были соединиться [близ моста], продвигаясь по разным направлениям, таким образом, оставаясь разбросанными по широкому фронту. Например, 3-й Батальон подполковника Дж. Фитча (J.A.C. Fitch) должен был подойти с севера через городок Остербек/Oosterbeek. Ваш 2-й Батальон должен был подойти по самой южной дороге, частично следовавшей параллельно Рейну...

Да, и мы были единственной частью, которая дошла до цели. Оглядываясь назад, можно сказать, что все могло пойти лучше, если бы мы высадились к северу от моста, да и высадка с планеров с обоих концов моста могла привести к успеху.

Реакция немцев была молниеносной, не так ли?

Да, части SS среагировали незамедлительно и задержали наше продвижение, ведя огонь из одиночных пулеметных гнезд – огонь, оказавшийся весьма эффективным. [Это были пулеметчики из подразделений 9-й Танковой Дивизии SS, сколоченных в боевую группу (Kampfgruppe) *Hohenstauffen*.] Наш взвод попал в засаду, несколько человек было убито, включая Брама Дэвиса, но мы продолжили движение. Время от времени имели место стычки с противником, но иногда марш на Арнем напоминал триумфальный парад...

Голландцы выходили к дороге и встречали нас аплодисментами, угощали фруктами и marigolds. Они все время повторяли: «Мы ждали вас четыре года». Они думали, что война уже, практически, окончена. Они также предлагали нам джин, но лейтенант Вудс пригрозил тем, что пристрелит их, если они будут слишком настойчивы. Меня удивило [хорошее] качество одежды и обуви у голландцев. Будучи бывшим продавцом обуви, я заметил это и был поражен, так как наша пропаганды говорила нам, что голландцы голодают и ходят в рванье. В Арнеме это было не так...

В какой-то момент командир британской 1-й Воздушно-Десантной Дивизии генерал-майор Рой Эркарт (Roy Urquhart) ко 2-му Батальону подъехал на джипе... К этому моменту появились проблемы со связью между различными подразделениями.

Генерал Эркарт подъехал к нам по пути в Арнем и спросил, где находится полковник Фрост. Мы сказали ему, что он где-то впереди, и Уркхарт помчался дальше [он так и не увидел Фроста]. Эркарт был крепко сложенным солдатом, выглядевшим круто. Производил большое впечатление.

Какое на Вас впечатление произвел Арнем?

Это был красивый городок, окруженный полями и рассеченный надвое Нижним Рейном (Lower Rhine). Когда мы добрались до окончания моста, нас распределили или по окопам, вырытом для двух минометов, или по окрестным домам.

Слэпси (Slapsie – кличка десантника из Лондона) и я оказались вместе в одном окопчике. Было тихо, здесь мы были хозяевами положения. На мосту взрывался немецкий фургон с боеприпасами. При этом до нас доносились звуки словно где-то рядом запускали фейерверки. Я заснул и полностью проспал первую контратаку немцев. Когда я проснулся, Слэпси обратил мое внимание на валявшиеся неподалеку трупы немцев. Он думал, что на меня это произведет впечатление, но мне было все равно, так как у меня ни на что не было сил.

Есть ли у Вас какие-нибудь общие комментарии по бою в Арнеме?

Я всегда придерживался той точки зрения, что Арнем защищали лучшие в мире солдаты от обороны, сражавшиеся против лучших в мире атакующих солдат – SS. Здесь в счет идут национальные особенности. Немцы произвели одну или две массовые атаки, бросив в бой бронемашину. Десантники отбивали эти атаки, выводя из строя головные машины, которые блокировали путь вперед и вынуждали другие машины продвигаться по узким улочкам, где с ними можно было расправиться.

Одной из самых трудных задач было раздобыть воду, чтобы сделать жаркое из брикетов сушеного мяса. Поскольку воды было крайне мало, мы не могли использовать воду из фляг. Да, мне пришлось искать воду, чтобы сделать жаркое. Я обнаружил, что единственным работающим краном поблизости был кран на колонке, находившейся посреди двора. Через этот двор шла ожесточенная перестрелка. Я подполз на брюхе к крану. Сначала противник видел меня, но как только я повернул кран, немцы сообразили, где я нахожусь. Я наполнил котелок, но расплескал половину воды по дороге назад. Когда

я вернулся, мы с лейтенантом Вудсом разогрели мясо, но оно было настолько отвратительным на вкус, что Вудс разделил со мной плитку шоколада.

Во время оборонительного боя Вы столкнулись с полковником Фростом...

Фрост посетил нашу позицию, он улыбался и излучал уверенность. Хотя мы были окружены и отрезаны от главных сил 1-й Воздушно-десантной Дивизии, мы все еще верили, что придет помощь. Изначально нам говорили, что смена придет в течение 24 часов (считая от воскресного дня). Когда истек вторник, мы поняли, что что-то пошло не так...

Десантники ведут минометный огонь

Вы оказались на островке, поросшем деревьями и кустарником посреди дороги прямо в центре Арнема. Время шло, и немецкие атаки усиливались...

Я оказался под минометным огнем, сидя в нашем окопчике, и было страшно. Со временем взрывы слились в непрерывный грохот. Я свернулся клубком на дне окопчика, и тут что-то ударило меня по моему ботинку. Я тысячу раз почувствовал себя мертвым, будучи уверенным, что это была мина. Оказалось, это была всего лишь часть оперения мины. Хотя обстрел испугал нас до смерти, потерь у нас не было.

Ближе к концу обстрела я оказался единственным, кто остался посреди улицы: остальных отвели в здания и садики, которые наши парни все еще удерживали.

Как случилось, что Вас ранило?

Ситуация ухудшалась, лейтенант Вудс оказался отрезанным от нас, и сержант Джексон принял командование. Он отобрал нескольких ветеранов для того, чтобы они обороняли дом, и приказал остальным отступить в сад. Я встал и поднял кайло, чтобы начать рыть окоп, когда в ярде от меня разорвался снаряд. Раненых и убитых оказалось где-то шестеро из нас. У меня была ранена левая нога. Когда я понял, что ранен, я упал на землю. В итоге меня подхватили и оттащили в здание, подвалы которого были забиты умирающими и ранеными...

Эти подвалы были сущим адом, не было еды, воды было совсем мало или ее вообще не было, было темно, хоть глаз коли, поскольку немцы отрубили подачу электроэнергии.

Измотанным санитарам приходилось ухаживать за ранеными при свете сигнальных фонарей.

Условия в подвалах были ужасающими, умирающие и раненые лежали вперемешку. Санитары делали все возможное, чтобы облегчить наши страдания. Считается, что в тех подвалах было, по меньшей мере, 300 человек.

Расскажите, как все это кончилось.

Люди начали кашлять, потому что здание горело, и мы оказались в опасности, потому что охваченное пожаром здание могло рухнуть. Полковник Фрост отдал приказ прекратить огонь, и начались переговоры с немцами. Вошел немецкий офицер, и какой-то шотландец, находившийся рядом со мной схватил свой *Sten*, чтобы застрелить его... К счастью, его остановили. Забросать подвал гранатами для немцев было бы проще простого.

Бой окончен...

Офицер отдал какие-то приказы, и подвал заполнили немецкие солдаты, которые начали эвакуировать нас. Что касается меня, то один канадский репортер разбил свою камеру, поднял меня и вынес из подвала. Совсем рядом с нами пронеслись горящие обломки крыши. Солдаты противника стояли полуколем, встречая нас, когда кто-то выстрелил из подвала, едва не попав в нас и немцев. Мы закричали: «Здесь раненые британцы! Прекратить огонь!», и стрельба закончилась. Казалось, немцам было интересно видеть нас вблизи, как и нам их. Все они говорили по-английски, они раздавали нам кофе, колбасу и черный хлеб. Им было приятно, что они одержали победу в этом бою, и атмосфера была такой, будто только что закончился футбольный матч. В самом деле, они были столь дружелюбны, что я было решил, что это обычные солдаты, а не SS. Некоторые из них были в брюках цвета хаки и британских башмаках, у некоторых были британские автоматы *Sten*. Однако на всех были обычные немецкие каски и куртки.

Какими были первые минут плена?

Нам разрешили сесть по обе стороны дороги, раненые были по одну сторону, включая меня. Молодой эсэсовец застрелил одного из наших парней, потому что он хотел сохранить при себе свой бумажник. Когда этот самый немец подошел ко мне, я уже к этому моменту вывернул все свои карманы и положил их содержимое на колени. «У вас не должно остаться что-то, имеющее отношение к боевой ситуации. Вас обещут еще раз, и, если что-

то [подобное] будет обнаружено, вас расстреляют,» - сказал немец. Личные вещи его не интересовали.

Один из капитулировавших британцев делится едой с немцем

Среди нас был молодой парень из голландского *Сопротивления* – у него были сильно обожжены руки, когда он бросал из окна фосфорную гранату. Его выволокли из наших рядов, заставили встать на колени и выстрелили ему в затылок. Когда его тело свалилось на землю, офицер SS сказал следующее: «Так мы поступаем с теми, кто предал Третий Рейх.» Помню только этого парня из голландского *Сопротивления*, и пристрелили его без промедлений.

А потом куда Вас дели?

Мы оказались во дворце Сустдейк/Soestdijk – летней резиденции голландской королевской семьи. Дворец превратили в прифронтовой госпиталь войск SS. Кормили нас отлично, было очень комфортно, но медицинская помощь была неважной, и лекарства до нас не доходили из-за бомбежек союзной авиации.

Были ли попытки бежать из плена во время Вашего нахождения в госпитале?

Да, двенадцать ходячих раненых с помощью людей из *Сопротивления* сбежали и добрались до своих. Госпиталь относился к *Люфтваффе*, там даже на стене одной из комнат был портрет Геринга. После побега меры безопасности были усилены до предела. На самом деле, несколько более поздних побегов окончились неудачами, и беглецов расстреляли. При этом, как мне показалось, врачам из SS было приятно, что *Люфтваффе* опростоволосилось...

Как прошел перевод в лагерь для военнопленных?

Ближе к концу октября нам сказали, что всех нас переведут в госпиталь, где находятся только британцы. Многие этому поверили, и для нас было большим шоком, когда, после прибытия на станцию, нас прикладами затолкали в вагоны для перевозки скота.

Понятие *вагоны для скота* напоминает о том, как транспортировали в лагерь жертв Холокоста...

В каждом вагоне было по 40 человек, не было никакой кормежки. Переезд был настоящим кошмаром. Несколько раненых умерли в дороге, для других каждая встряска сопровождалась адской болью. Трупы не убрали всю дорогу до приезда в лагерь, поскольку всё было на учете, и список прибывших был подписан самим комендантом лагеря.

Не было ли попыток убежать во время переезда?

Да, трое пилотов планеров из соседнего вагона использовали пилки для побегов, которые ранее припрятали, для того, чтобы проделать отверстия и в крыше вагона и попытаться сбежать. Двое скрылись, но, когда третий парень высунулся из дыры, его зацепила очередь из пулемета, расположенного в конце состава. Мы слышали, как он скатился с крыши, упал на пути и начал стонать. Затем мы услышали, как подошел охранник и передернул затвор – за этим последовал выстрел. Стоны прекратились... Сторожевая собака настигла второго беглеца, а третий сам сдался, когда услышал, как немецкий офицер предупредил, что каждый третий из пленных будет расстрелян, если он не вернется на место. Прodelанный лаз заколотили, и состав снова тронулся в путь...

Расскажите о своих впечатлениях от лагеря *Stalag XIB*...

Мы добирались до лагеря три или четыре дня. *Stalag XIB* был расположен близ города Фаллингбостель/Fallingbostel в Германии. Это был большой комплекс зданий, где находились военнопленные многих национальностей, включая русских и поляков.

Опишите распорядок дня в лагере...

День начинался в 7 утра с переклички. Немцы считали нас пятерками, и иногда мы передвигались по строю, чтобы сбить их с толку. Они, в отместку, заставляли нас стоять в строю часами, при этом некоторые падали в обморок или просто умирали. Затем нас разводили по участкам работ. Кроме этого кто-то бродил по периметру лагеря. Обошел пару раз, и ты уже без сил...

Около полудня прибывала телега с едой. Мы выстраивались в очередь, и каждый получал полпинты водянистого супа с тремя маленькими картофелинами. После того, как вся пища была роздана, на дне котла оставалось пара-тройка картофелин. Младший офицер отступал в сторону, и парни поздравнее бросались к котлу, чтобы побороться за эти остатки... После еды можно было поискать по другим баракам старых товарищей, чтобы пообщаться, но около 4-вечера была еще одна поверка, которая заканчивалась до того, как гасили свет. Электрическое освещение ночью отсутствовало, поэтому мы делали небольшие светильники из консервных банок, жира и куска веревки.

А за пределы лагеря Вы выходили на какие-то работы?

Однажды меня назначили в *Kommando* – рабочую команду. Отбирали как-то бессистемно: парни с открытыми ранами, как я, должны были идти на выход, тогда как вполне себе крепкие ребята оставались в лагере. Нас отводили на железнодорожную станцию в городке Ильцен/Uelzen близ Ганновера. Сначала мы думали, что сбежать будет нетрудно, но вскоре поняли, что раны, голод и дизентерия ставят на этом крест. Мы все страдали от недоедания и других проблем со здоровьем.

Расскажите о событиях, которые предшествовали Вашему освобождению.

Все произошло неожиданно, в середине апреля 1945-го, когда уже было ясно, что война скоро закончится. Нас все еще водили на работы на железной дороге, которая была совершенно разрушена. Как-то, находясь на пригорке, мы услышали странный шум в небе. Посмотрев вверх, мы увидели немецкий самолет без моторов, просто с двумя какими-то контейнерами под крыльями [вероятно, это был *Me-262*]. Два американских самолета *Thunderbolt* спикировали на него, но он неожиданно превратился всего лишь в точку в небе! Он оставил американцев далеко позади. Когда охранники заметили наше изумление, они стали хвастаться, что это еще одно секретное оружие Гитлера, которое сбросит нас в море...

В конце концов, немцы решили, что нас всех надо отогнать в Берлин. Сержант из полка Британских Шотландцев, который возглавлял *Kommando*, переговорил с нами и сказал, что будет важно держаться группой и никуда не отлучаться, поскольку эсэсовцы расстреливают даже тех своих, которые «пытаются дезертировать.» Мой товарищ из 2-го Батальона подошел ко мне и спросил, не хочу ли я бежать вместе с несколькими другими парнями. «Ты слышал, что сказал сержант?» – спросил я его. - «Но, Джим, - ответил он, - это будет нашим последним шансом получить медаль.» - «Хрен с ней, с медалью, - сказал я. – Я просто хочу вернуться домой, к своей семье.» Потом я услышал о том, что эсэсовцы поймали этих парней и перерезали всем глотки, а трупы сбросили в канаву...

AUSTRALIAN WAR MEMORIAL

UK2770

Освобожденные солдатами 2-й Британской Дивизии военнопленные строят себе временные жилища

Что Вы помните о том марше?

Сначала мы шагали по главной дороге и как-то набрали на полностью сгоревший автобус, забитый обгорелыми трупами. Затем мы дошли до деревушки под названием Винштедт/Vinstedt, где нам приказали рыть себе укрытия. Большинство из нас было измотано, да у нас и лопат-то не было. Тут к нам присоединились немцы, удиравшие от Красной армии и ее эксцессов. Наши немецкие охранники сдались нам, но, когда мы

увидели, что к нам приближаются какие-то автомашины, мы отдали им их оружие. Это было сделано кстати, так как машины оказались полугусеничными транспортерами, тащившими на буксире 88-миллиметровые пушки. Этим подразделением фанатиков из *Гитлерюгенда* командовал офицер SS. Он приказал нам всем собраться и запер нас в сенном сарае на ночь, приказав и далее следовать в Берлин. Как только он скрылся из вида, мы опять разоружили охранников. Ночь была бурной. Несколько недавних военнопленных поймали одного из самых жестоких охранников, который пытался бежать, на скорую руку судили его (*обычное выражение - kangaroo court – ВК*) и приговорили к повешению. Но немцу повезло: только они собрались повесить его, как появились части полка *Даремской Легкой Пехоты* (*Durham Light Infantry*) из 2-й Британской Дивизии. А когда на утро из леса выкатил британский бронетранспортер (Bren gun carrier), вся наша рабочая команда ринулась к нему и почти что подняла его в воздух! К нам пришла свобода...

Оригинальное интервью - Eric Niderost (<http://warfarehistorynetwork.com/daily/wwii/british-paratrooper-at-arnhem-an-interview-with-james-sims/>)

Перевод – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org